

— Как дела, старый ворюга? — с вальжностью сытого кота интересуется Александр Ширвиндт у Михаила Державина.
 — Я же говорил, что мне не нравится, когда ты зовешь меня ворюгой!
 — закипает тот, немедленно становясь в позу и сжимая кулаки.
 — Это же я по дружбе.
 — По отношению ко мне это звучит слишком правдоподобно...
 Исторически очевидно, что такие крутые разборки и препинания между завзятыми дружбанами могут происходить только понарошку. Как, например, в репетиционном зале Театра сатиры, где режиссер Сергей Арцибашев ставит новый спектакль "Орнифль, или Сквозной ветерок". По сценарию Державина — Машто — толстый и вульгарный владелец театра с чудовищным южным выговором... Из-за стремительного темпа репетиции поговорить с актером удавалось в редких паузах-перекурах. Самая интересная деталь: именно в этой милой обстановочке добрейший и честнейший актер Сатиры встречал свой юбилей. Вчера Михал Михалычу Державину "стукнуло" 65.

— Думал, с годами будет меньше работы, будет время поехать на дачу, но... До шестого июля надо успеть выпустить спектакль. Сначала мы хотим показать его на сцене даже не папам и мамам нашим, а, как раньше говорили, пожарникам. Расставить акценты, посмотреть на декорации, которые приготовил Олег Шейнцис, и костюмы, детали к которым мы сейчас лихорадочно покупаем по всей Москве. Там есть и карнавальные элементы, и очень много всего необычного. Пьеса напоминает сегодняшний день, хотя, как всегда, мы немножко опоздали по сравнению с Европой. В 50-х годах там уже были "новые французы". Ширвиндт играет поэта, который делает быстрые куплеты на заказ за большие деньги. А я очень богатый человек, любящий искусство.

— Амплуа в вашей паре прежде: Ширвиндт — напорист и хамовит, а вы — его жертва?

— Наши взаимоотношения в жизни происходили с позиции уважения к его возрасту, я же все-таки моложе его на два года. Но здесь мне приходится играть роль абсолютно зависимого от него в творчестве человека, хотя он зависит от меня в деньгах. Мою герою всегда хочется быть выше. Но в жизни и Шура бывал у меня в подчинении. Когда-то в нашем дуэте я был секретарем партийной организации, председателем местного комитета профсоюза театра. Я был единственным представителем месткома, кто повторял свои отчетные доклады на "бис", и публика всегда хохотала. Они были короткие, о жизни в театре. На открытые партийные собрания приглашался весь коллектив. Помню, однажды я сижу в первом ряду с Наташей Селезневой и Олей Аросевой. Было лето. Наталья вот так расстегивает верхнюю пуговичку на моей рубашке и говорит: "Ой, какой ты волосатый!". Ольга Александровна, кстати, меха подорожали". Разговоры во время собрания у нас были примерно такие.

— И незрительные артисты превращали собрание в капутник...

— В капутник это не переходило — там всегда присутствовали наблюдатели из райкома, но и они втягивались в эту атмосферу. Наша партийная организация была веселой. Туда входили Менглет, Васильева, Аросева, Пельтцер, и не было никакого заупокоя и нудятины. Когда я еще был беспартийным, Валентин Николаевич Плучек говорит мне: "Миша, ты должен обязательно вступить в партию". Я спрашиваю: "Почему я? Почему не Шура Ширвиндт? Почему не Андрей Миронов?" А он отвечает: "Потому что ты единственный русский" (Шутка.) А после меня уже и Марк Захаров вступил, и остальные. Конечно, мы к этому относились не с точки зрения карьеры и продвижения...

— Григорий Горин когда-то писал, что на самом деле фамилия Державина Державиндт, а Ширвиндта — Ширвинов. Что вы на это скажете?

— Да, Гриша всегда смеялся над этим. И представляешь, какое страшное совпадение: в день моего рождения в прошлом году, 15 июня, Гриша умер. Вчера мы играли спектакль памяти Гриши "Счастливец — Несчастливец"... А про фамилии у нас полно историй. Как-то в один из первых приездов в Нью-Йорк, когда мы гуляли с Шуриком по Бродвею, ко мне подбежал человек: "Мы вас знаем, мы так ценим". Потом отвел меня в сторону и говорит: "Только я никак не могу правильно выговорить фамилию вашего друга, товарищ Державинский".

Обычно всегда коверкают фамилию Ширвиндта, пишут его без "д" или просто "Ширвин". Один раз горничная в гостинице его назвала Шивердин. А однажды мы выступали в палаточном госпитале для раненых на границе с Афганистаном, и там висело потрясающее объявление: "Сегодня у нас в гостях артисты Московского театра сатиры, народные артисты республики Дарвин и Равинглот". Видимо, связь была дикая с этим Ашхабадом, и пока художник шел писать гуашью плакат, он окончательно все перепутал.

— Михал Михалыч, это трудно представить, но вы хоть раз в жизни ссорились с кем-нибудь? Или накричали на кого-то?

— Знаешь, нет. Чаще мне бывает стыдно за хамство другого человека. Я очень редко ссорюсь, и потом я же больше от этого страдаю, потому что мне кажется, что я кому-то нанес обиду. Могу закричать на человека, только чтобы оградить его от несчастного случая, например, чтобы он не попал в яму. Или схватить бабушку и крикнуть ей: "Стойте! Подождите!". А вообще я стесняюсь.

— Самый невероятный слух об актере с абсолютной незанятой репутацией?

— Когда-то Гриша Горин вспоминал, что о Державине ходит мало сплетен. И я после этого задумался: может, я еще недостаточно дорос до такого творческого состояния, чтобы обо мне что-то говорили? Обычно актеры, чаще всего эстрадные, сами создают слухи о себе, чтобы о них не забыли. Когда это веселые истории — хорошо. Если противные — это неприятно. За всю жизнь я не выкурив ни одной сигареты (только на сцене приходится иногда), стараюсь почти не пить... Так что слухов о себе я не знаю, но иногда мне приписывают анекдоты. Однажды мы с Ширвиндтом увидели книжечку "Анекдоты от Ширвиндта и Державина" — в электричке ее продавал один дядя. Ужасные и неприличные анекдоты, мы ни одного даже не слышали...
 Перерыв заканчивается, и актер с ходу возвращается в оставленный образ:

Михаил Державин:
 "Ширвиндт зависит от меня в деньгах"

САМЫЙ ЧЕСТНЫЙ МОЩЕСТВИК

— А меня зовут Машто, другого имени у меня нет. Свой первый миллион я нажил оптовой торговлей скобяными товарами. Мне всегда следует помнить о хороших манерах. Всегда носить темные костюмы, следить за своей речью. Вот, например, даже подымай я от жары в моем кабинете в Сент-Уэне, ни за что пинжак не сниму...

— Надо говорить "пиджак", — снисходительно поправляет его поэт и худрук Сатиры в одном лице. Кстати, пиджак у Державина классный — приятно от светлого-зеленого цвета и очень ему идет, что отмечают все актеры.

— Вот видишь, человека всегда мелочь выдаст... Но, между прочим, никто другой этого бы даже не заметил, а тебе обязательно надо было подколлоть меня!

То возмущение, что льется сейчас со сцены, так искренне, что вводит в заблуждение незнающих текст: то ли и вправду актер оговорился, то ли эта парочка вновь мастерски разыгрывает простодушных зрителей. С "пинжака" спор перескакивает на обсуждение правил стилистики, беготню в духе "А ну-ка отними!" вокруг стола и распевание фривольных куплетов про короткую юбочку и девчонку Лиззон... Передыхка.

— Интересно, хотя бы правила вы нарушаете?

— Правду тебе скажу, не нарушаю. Иногда, когда я спешу, могу обратиться к милиционеру и попросить: "Тут такая пробка, можно мне объехать по тротуару?" Они разрешают, и обычно за мной едет еще вереница машин.

— Были случаи, чтобы вас оштрафовали?

— Нет. Но дырку в талоне прокалывали. Мы с Ширвиндтом ехали из Ялты — это была первая в моей жизни большая поездка на машине. Я ехал за Ширвиндтом. Он проехал на зеленый, а мне дали желтый. Тут же меня остановил сотрудник ГАИ и проколол дырку. Через несколько километров я, совершенно убитый и расстроенный, сижу в какой-то таверне, как раз в том месте, где Кутузов потерял

глаз, и встречаю Александра Авдеенко — он был редактором отдела культуры газеты "Советская культура". Он мне говорит: "Что на тебе лица нет?". Взял этот талон и около дырки написал: "Ошибочка. А. Авдеенко.". И я сразу успокоился и потом проездил с ним всю оставшуюся до обмена этого талона жизнь. Когда милиция смотрела на эту надпись с совершенно милицейской фамилией, а не литераторской (хотя папа у него был знаменитый писатель), то такому хамству просто не могли поверить.

— Вы помните свою первую машину?

— Я был патриотом отечественного машиностроения. Первый автомобиль у меня появился только в 70-м году — 1-я модель "Жигулей". Чтобы тогда купить машину, нужно было пройти очередь в Министерстве культуры, на тебя писали справки, что ты хороший человек, прекрасный артист, общественник...

После этого давали разрешение за твои же деньги купить машину. Сколько мы дали концертов, чтобы просто обратиться на себя внимание и чтобы выдали талончик на покупку автомобиля! А потом, когда менялось время и стало больше возможностей, я стал покупать джипы заграничные.

— Михал Михалыч, ваши внуки похожи на вас в детстве?

— Характеры у них совершенно разные, и я скорее был средним между тем и другим. Мама мне рассказывала, что я был неплохим, покладистым парнем, проблем со мной не было... У меня два потрясающих внука — Павел и Петр. Одному 5, другому 13. Они правнуки Семена Михайловича Буденного. Один учится в 110-й школе, где раньше учился Ширвиндт. Я всегда им рассказываю, как он хорошо учился. О своих успехах обычно не говорю. Но люблю показывать свой диплом с отличием об окончании театрального училища имени Щукина.

Моя дочка Маша говорит, что Петр у нас святой, у него замечательный характер. А у маленького Павла темперамент какой-то невообразимый, неумный. Вот я с ним иду по улице — он меня провозжает до моего дома по Новому Арбату, и он совершает двойной путь, потому что забегает все время вперед, смотрит, что там происходит, и тут же возвращается, рассказывает и опять убегает вперед. Очень любознательный парень.

— Чем они вас радуют и удивляют?

— Всякими выражениями и восприятием жизни. Они могут задавать уникальные вопросы — за ними записывать надо. Маленький задал Маше естественный вопрос, который задают дети в 4 года: "Кто сделал мужчину?" Та ему объясняет: "Ну знаешь, это высшие силы, Бог". И он говорит: "А что же он к такой красоте прилепил такое?"

А старший как-то пришел на Красную площадь вместе с прабабушкой, чтобы навестить своего прадеда. Он похоронен за Мавзолеем в земле, и чтобы прийти туда, нужно заранее сообщать — там не всегда бывает открыто. Дежурный спрашивает внука: "Ну что, пришел навестить дедушку?" Петр отвечает: "Да. А знаете, кто мой дедушка?" Охранник улыбается, зная про Буденного: "Ну кто?" — "Михаил Державин!" Я для него действующий дедушка, поэтому он гордится мной. Я их больше интересую, потому что они видят меня по телевизору и приходят в театр на спектакли. Дети иногда не любят дедушек, которые заставляют их есть или учиться. А я такой приходящий дедушка.

— Упоминание о родственных связях с Буденным помогало в жизни?

— Я всегда старался никогда и никого не привлекать в личных целях... Подарки, которые он мне иногда дарил, все были связаны с моей рыболовной страстью. Например, снасти, которых еще не было в Союзе, и он покупал их где-то за границей. В последние годы Семен Михайлович занимался больше представительской деятельностью — у него было много всяких общественных дел. В качестве родственника я ездил с ним на Спартакиаду народов СССР и другие праздники. Иногда там меня спрашивали поклонники: когда же будет следующий "Кабачок"?

— Кстати, вам объясняли, почему закрыли "Кабачок"?

— Мы даже не пытались что-то выяснить наверху — ведь там всегда были знатоки объяснить ситуацию. Ее просто не возобновили на следующий месяц без объяснений, несмотря на то, что в число любимых передач Леонида Ильича Брежнева входила программа "Время", хоккей и "Кабачок 13 стульев". Но есть такое предположение, что закрытие связано с политическими событиями, которые происходили в Европе в соцлагере. Тогда начинались какие-то волнения в Польше. Кстати, кое-что мы узнавали раньше других. Вдруг нам говорили цензоры: "Не надо упоминать в миниатюре про студентов". А через несколько дней в газетах печатали, что прошло студенческое восстание где-то в Варшаве. Среди авторов "Кабачка" были Марк Захаров, Аркадий Арканов, Григорий Горин...

— Давайте поговорим о семье. Как муж 20-летним стажом, вы можете поделить секреты семейной счастья?

— Я думаю, что главное — нужно уступать друг другу. В этом вопросе я не могу отдать первенство ни себе, ни Роксане. Мы обоюдно уступаем. У нас такие моменты бывают чаще вызваны состоянием моего здоровья, когда я не слежу за собой... Вообще, конечно, с возрастом что-то в тебе накапливается, а что-то ты сам отбрасываешь. У меня всегда было стремление побыстрее что-то сделать. А теперь я думаю, что лучше помедленнее, но вернее. Я отбросил поспешность во всем: в мыслях, в поведении. Больше стал взвешивать свои поступки.

— Расхожее выражение "Муж да жена — ..." вам подходит? У вас много общего?

— Я как-то не задумывался об этом. Когда ничего не мешает и тебе легко и интересно, значит, общее есть. Задумываешься, когда что-то тормозится, и вдруг тебе приходит мысль, что ничего не соединяет с этим человеком.

— Вы знаете, что вам подарят на день рождения?

— Нет, абсолютно даже не догадываюсь. Но для меня важнее всего просто внимание — когда телеграммы шлют, звонят, хотя меня застать дома очень сложно. Каждый день с 10 утра — репетиции, вечером спектакль. Думаю, что через две недели, когда закончится сезон, мы всей семьей соберемся на даче, тем более что Близицево у нас много: и Роксана, и моя дочка, и внук...

— Идет, старый мошенник, — с середины зала вновь раздаются уничтожительные ерничанье Ширвиндта.

— Ну вот, ты опять! — мрачно откликнулся юбиляр.

— Не можем же мы звать друг друга "сударь"? Я уступил тебе "ворюгу", так ты согласишься взамен на "мошенника"!

— Господин граф Орнифль де Сент-Уаньон!

Я тебе скажу...

И сложная перепалка артистов под прищотом режиссера и труппы разгорается с новой силой.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.